

Е. К. Созина

*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург*

Символ и символизм в творчестве К. Ф. Жакова

Рассматривается представление о символе, сложившееся в трудах оригинального коми писателя и философа К. Ф. Жакова, одного из выразителей культуры русского Серебряного века. В книге 1906 г. Жаков назвал свое учение эволюционным символизмом и представил символ как некую общенаучную, общефилософскую категорию, в которой выражается специфика человеческого познания и мышления. В статье прослеживается близость представлений о символе и познании Жакова и немецкого философа-неокантианца, творца новой «философии символических форм» Э. Кассирера. «Эволюционный символизм» Жакова в его художественных произведениях становится символизмом мифологическим, что во многом роднит его с отечественным символизмом. Взаимодействие философии и художественного творчества рассматривается на примере стихотворений Жакова «Песни Пама Бур-Морта», опубликованных в «Зеленом сборнике стихов и прозы» символистов (1905) и в расширенном виде представленных в книге Жакова «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом» (1905).

Ключевые слова: «эволюционный символизм», символ, лимитизм, К. Жаков, Э. Кассирер, гносеология, философская лирика.

Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866–1926) – оригинальный писатель-философ эпохи Серебряного века, уроженец Зырянского края, ныне республики Коми. В историю науки Жаков вошел как исследователь этнографии и фольклора финно-угорских народов России, в историю философии – как творец оригинального учения – философии лимитизма, или предела¹, в литературу – как художник, открывший русскому читателю мир зырянского Севера, а также представивший

¹ «Limit – предел, философия математического предела, философия бесконечно малой величины, или философия дифференциального исчисления», – поясняет основное понятие философии Жакова С. Н. Ковальчук [2006].

Созина Елена Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором истории литературы Института истории и археологии УрО РАН (ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990, Россия; elenasozina1@rambler.ru); профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия)

оригинальную реконструкцию мифологического космоса своего народа (см.: [Лимеров, Созина, 2014, с. 359–364; Лимеров, 2013]). По широте интересов, энциклопедизму личности и своеобразию духовных поисков его можно поставить рядом со многими известными художниками и мыслителями Серебряного века. Он был равно способен и расположен как к математике, астрономии, психологии, так и к философии и другим гуманитарным сферам знания; себя же считал сказочником и поэтом. В пределах бывшего СССР имя Жакова в течение долгих лет было предано забвению, но с тех пор о его жизни и творчестве сложилась целая библиотечка трудов, им активно занимаются и в республике Коми, и за ее пределами².

Творчество Жакова как содержательно, так и чисто хронологически развивалось в русле символизма и во многом коррелировало с установками этого направления, центрального для искусства рубежа веков. Достаточно указать, что первое художественное произведение Жакова – «Песни Пама Бур-Морта» – было опубликовано в «Зеленом сборнике стихов и прозы» 1905 г., собравшем известных впоследствии авторов (Ю. Верховского, М. Кузмина, Вяч. Менжинского и др.) и получившем положительную рецензию А. Блока [1905]. Поэтому художественно-творческое развитие Жакова вне круга символистских идей трудно представить, и вполне закономерно наше обращение к теме символа в его мирозерцании и творчестве, которая в разнообразных по содержанию и стилю исследованиях как художественных произведений писателя, так и его философии практически не поднималась. Мы попытаемся раскрыть понятие символа в философских работах Жакова, а отсюда представить выход к символизму его художественного творчества.

Символ, относимый к числу универсальных категорий культуры, был одним из центральных понятий в европейском гуманитарном сознании первых десятилетий XX столетия; К. Свасьян говорит о «гипостазировании символа в западной философии XX века» [Свасьян, 2010, с. 39]. Едва ли не каждый автор, имевший отношение к направлению символизма начала века, формулировал свое представление о символе, а нередко давал собственное его определение. Рассматривая концепции русских символистов, Д. М. Магомедова делит их на две большие группы – «эмблематическую» (она же «риторическая» или «классицистическая») и «мифологическую» («романтическую») [Магомедова, 2014, с. 15]. Концепция Жакова, как увидим далее, ближе к первой группе, но своеобразии этого мыслителя и художника состоит в том, что, будучи символистом по духу и стилю творений, в философии он старался придерживаться точного языка науки и облакал оригинальные идеи лимитизма в достаточно традиционную форму историко-философского изложения. Символ не был для Жакова некой «энигмой», «окном в вечность», как для многих его современников, сосредоточенных на символе как таковом, *sui generis*; он подходил к этому понятию скорее прагматически – с позиции построения целого и решения основных задач философии, но сам дух и стиль эпохи наложили отпечаток на его творчество.

² См. статьи в сборниках по итогам конференций [К. Ф. Жаков, 1993; Зыряне в истории..., 2000; Коми-зырянская культура..., 2002; Тайё сьылём..., 2008], также статью С. И. Белокопя в авторитетном справочном издании «Русские писатели 1800–1890 гг.» [Белокопья, 1992] и отдельные исследования, в частности [Рощевская, 2003; Лимерова, 2005; Федорович, 2006; Лимеров, Созина, 2014] и др. Изданы рукописи Жакова, находившиеся в частном архиве в Латвии и спустя много лет перевезенные на родину [Жаков, 2012], вновь публикуются его сочинения [Жаков, 2016]. Библиографию трудов Жакова и хронику его жизни и творчества см. [Жаков, 2012, с. 83–134; Каллистрат Фалалеевич Жаков..., 2016].

Во всех сочинениях Жакова прослеживается его стремление указать человечеству путь к спасению – к некоей идеальной цели, для достижения которой «необходим союз всех народов, гармония их интересов, всеобщая наука, универсальная религия, словом, необходима “вселенская церковь” (по выражению Соловьева)» [Жаков, 1912, с. 15], и, в сущности, сам этот союз и есть, по его мысли, идеальная цель человечества. С этим связаны универсалистские системологические претензии Жакова: на протяжении всей жизни он созидал симфоническое единство системы наук, философских учений и религий, полагая, что все они объединяются и исчерпывают себя в его лимитизме. Своего рода подступами, ступенями к лимитизму были различные категориальные заместители, которые Жаков изобретал по ходу своего философского развития и письма. Так, в книге 1912 г. лимитизм представлен как «эволюционный монизм» [Жаков, 1912, с. 122], в книге 1906 г., где еще нет термина «лимитизм», – как «эволюционный символизм» [Жаков, 1906, с. 27]. Жаков пишет эту книгу – «Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали», будучи автором ряда научных и этнографических статей (они публикуются с 1901 г.), а также важной для его художественного творчества 1900-х гг. книги «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом» (1905), где заданы основные идеи его лимитистской философии (см. об этом [Лимеров, 2013]), и сугубо философского сочинения «Теория переменного и предела в гносеологии и в теории познания» (1904), где учение лимитизма уже излагается, но нужное «слово» также еще не найдено. Позднее Жаков называл эту книгу своей первой работой по философии [Жаков, 1929, с. 12]. Именно здесь он использует понятие «символ», затем и в большем объеме приводя его в книге о «принципе эволюции».

Построение своей концепции во всех случаях Жаков начинает с гносеологии, поскольку именно гносеологическая проблематика в ее постановке И. Кантом (о непознаваемости вещей) стала для него мощным стимулом личного и философского поиска. Позднее Жаков вспоминал, что, прочитав Канта, он от тоски принял яд и едва не умер. «Спасло» его то, что он узнал о дифференциальном и интегральном исчислении, – благодаря этому знанию у него возникло понятие предела [Там же, с. 69]. Стоит вспомнить, что именно гносеологическая проблематика для символистов второго поколения (1900-х гг.) чаще всего выступала на первый план, и Н. А. Дмитриева, автор книги о русских неокантианцах, находила кантианские идеи у В. Брюсова, А. Белого, А. Скрыбина [Дмитриева, 2007].

Первая книга Жакова целиком направлена на опровержение трансцендентального идеализма Канта, а вместе с тем именно на его положениях писатель-философ пытается основать здание своей новой философии. Симптоматично, что, корректируя Канта, Жаков движется в сторону исконно платонического понимания символа как связующего звена между миром «идей» и миром вещей, на котором стояли многие символисты и философы Серебряного века, – но на нем не останавливается. «Необходимо допустить, что тела природы – символы ноуменального мира» [Жаков, 1904, с. 16], и ноуменальное – это не только «вещь в себе», ибо также

...душа другого, психика – вещь трансцендентная, ноуменальная по отношению к моему сознанию. Связь между ними может быть только через символы. Ноуменальным я считаю трансцендентное моему сознанию и могущее объяснить недочеты феноменального. <...> Мир ноуменальный я познаю только в символах. Но он реален, хотя воспринимается только в символах сознания [Там же, с. 17–18].

Таким образом, символ для Жакова – некий посредник, медиатор между миром трансцендентным, ноуменальным и феноменальным, открывающимся нашему сознанию. «Исправляя» Канта, Жаков утверждает реальность, своего рода

«действительность» «умопостигаемых» (в кантовской философии) ноуменов, «вещей в себе», поэтому и символизм, с его точки зрения, «должен быть реалистическим» [Жаков, 1904, с. 25]³. Сами же символы – это не только «тела природы», но и формы человеческого сознания: так, например, «понятия – символы представлений» [Там же, с. 36], а во второй книге Жаков напишет:

Мыслить – это значит символами обозначать неосуществимые представления. <...> Понятия и представления оказываются символами физических агентов (света, звука, электричества, атомов весомого вещества и т. д.) [Жаков, 1906, с. 18].

Реальность для него двусоставна:

Природа и человеческий дух – это как бы два многоугольника, вписанные и описанные в круг. Круг этого – абсолютное бытие. <...> Только описывая обе стороны бытия, мы наиболее приближаемся к познанию существующего [Там же, с. 71].

Иначе говоря, в сочинениях 1900-х гг. Жаков выступает сторонником дуалистического принципа в философии, обосновывая это своим собственным учением лимитизма:

Теория переменного и предела меня учит думать, что феномены (физические и психические) суть приближения к ноуменам, так, что и в мире ноуменов, поскольку мы их знаем, двойственность принципа необходима [Там же, с. 63].

Наиболее ярко этот дуализм проявляется в утверждении психофизического параллелизма – существования как бы на равных тела и души, физических и психических явлений. В книге же о лимитизме 1912 г. «картина мира рисуется... как эволюционный монизм», ибо «Мир и Бог – одно, и нет больше ничего» [Жаков, 1912, с. 44, 108]. Гносеологический дуализм преодолевается онтологическим монизмом: философ не только пишет об эволюции, но и сам переживает ее.

Как символы составляют необходимый момент в процессе познания, так символизм – характеристика процессов восприятия и познания, а одновременно – обозначение философской идеи, т. е., как было сказано выше, промежуточная стадия на пути к лимитизму. Именно благодаря введению символов и символизма Жаков преодолевает кантовский агностицизм и, вопреки Канту, а также актуальной в его время позитивистской философии, утверждает возможность познания «вещи в себе», ноуменов.

Система символов – переменная величина, а система вещей – предел. Зная переменную величину, мы знаем основные свойства предела (хотя и неадекватно). Почему символы соответствуют вещам? Потому что символы – психические явления, произведения организма, активного существа, приспособляющегося к природе, к макрокосму. Сознание – один из факторов развития, и усовершенствование его не простая роскошь, а дело ве-

³ В статье 1908 г. «Две стихии в современном символизме» Вяч. Иванов вводит понятие реалистического символизма, противопоставляя его символизму идеалистическому. Пафос реалистического символизма – *a realibus ad realiora*, «утвердить, познать, выявить в действительности иную, более действительную действительность» [Иванов, 1909, с. 277]. Он утверждает метафизическую и онтологическую природу символа. Отличие идей Жакова от этой позиции несомненно, но само употребление им понятия «реалистический символизм», да и вообще «символизм», в контексте перенасыщенной символами эпохи говорит о многом.

личайшей необходимости. Итак, познавая символы, мы познаем вещи, следовательно, совершенно не прав позитивизм, говоря, что мы ничего не знаем, кроме явлений [Жаков, 1906, с. 29].

Символы в теории познания Жакова опосредуют познание, приводя в своего рода соответствие «мир вещей» и сознание, поэтому и символизм – естественное свойство человеческого сознания и мышления, выражающее неполную совпадемость человека и мира. Отсутствие символизма означало бы возможность абсолютного познания – знание абсолюта, слияние с ним и с миром, что в пределах земной жизни невозможно. Поэтому символизм сопровождает человеческую эволюцию, неотделим от нее и является гарантом постепенно-поэтапного постижения человеком тех истин мира, что еще недавно находились для него в состоянии неведомых и темных «вещей в себе». Это относится к «вещам» как природы, так и духа:

Субъективный центр необъясним, он символ (по теории познания, которую можно назвать эволюционным символизмом) имматериального начала, скрытого в недрах природы. И если допустить, что наше знание переменная величина, а бытие вещей предел, то констатирование активного начала в психике и в акте знания – есть приближение (хотя и символическое) к познанию духовного принципа [Жаков, 1906, с. 53].

Знание – переменная величина, приближающаяся к пределу, в объективному (к сущности природы) и к субъективному (сущности «я»)… [Там же, с. 42]

«Ноуменальный мир познаваем (хотя и неадекватно)» [Там же, с. 34] – вот главное «открытие» Жакова, которое он делает, обосновывая концепцию «эволюционного символизма», затем переименованного им в лимитизм. Найденная Жаковым в сфере гносеологии философская позиция позволяла с оптимизмом взирать на жизнь и видеть мир в динамике и развитии:

Вселенная, по этому учению, рисуется не как предустановленная, а как создающаяся гармония, и смысл, и цель жизни не столько нам даны, сколько построены нами в приближении к идеальному знанию и к совершенству воли и характера [Жаков, 1904, с. 2–3].

Символ, писали знатоки этой темы М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский, – «такая странная Вещь, которая одним своим концом “выступает” в мире вещей, а другим – “утопает” в действительности сознания» [Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с. 26]. Помещая символ на границе двух «миров», философы также фиксировали именно гносеологическую (эпистемологическую) необходимость и, одновременно, парадоксальность символа, которая занимала умы современников Жакова, по большей части мифологизировавших сам символ и его способность указывать на «невыразимое» (ср., например, определения символа Вяч. Иванова, Д. Мережковского и др.). Мамардашвили и Пятигорский считали символы «языком сознания» [Там же, с. 145]. И это положение приближает нас к пониманию символа, обнаруженному у Жакова, для которого само мировоззрение человека буквально «соткано» из символов [Жаков, 1906, с. 17]. Но в качестве хронологически более близкого контекста жаковской философии может выступать представление о символе и символизме А. Уайтхеда, который в книге 1927 г. рассматривал символизм как необходимое свойство человеческого мышления и восприятия («человеческий разум функционирует символически» [Уайтхед,

1999, с. 10])⁴, вводя, однако, дополнительную категорию смысла, которой еще нет у Жакова (а эта категория появляется в толковании символа и у А. Ф. Лосева, последнего русского философа постренессансной эпохи) и которая, как представляется, связана с выходом Уайтхеда к символическому отношению через язык, в 1920-е гг. уже начинавший гораздо более, чем прежде, занимать философию.

Увидеть Жакова с неожиданной стороны позволяет то обстоятельство, что его гносеологические поиски, начатые в русле «эволюционного символизма» и завершенные уже в концепции лимитизма, проходили параллельно исканиям немецкого философа, творца новой «философии символических форм» Э. Кассирера, хотя упоминания Кассирера в трудах Жакова нет, и близость эта носит чисто типологический характер⁵. Кассирер, как известно, вышел из лона неокантианства и в своих ранних работах обсуждал условия и возможность познания, отталкиваясь от кантовской гносеологической проблематики. Здесь для нас наиболее интересна его книга «Познание и действительность» 1910 г., на русском языке вышедшая в 1912 г. Центральные ее понятия – субстанция и функция, причем в логике рассуждений философа второе постепенно занимает место первого, а «новая психология» – «наука о духе» – заменяет прежнюю метафизику. Важно, что эта книга, целиком идущая в контексте неокантианской методологии Марбургской школы и обсуждающая образование и функции понятия (т. е. язык науки, главным образом точных наук), стала для Кассирера своего рода фундаментом и опорным звеном для последующей разработки принципиально нового учения о культуре и культурной антропологии человека как существа символического. Так и Жаков на теории «эволюционного символизма» не остановился и двинулся к созданию всеобъемлющей концепции, позволяющей человеку обрести новый смысл в жизни и земной, и вечной: по его мысли, «неокантианство должно вести к лимитизму» [Жаков, 1912, с. 36].

Поэтому, несмотря на все различия между Кассирером и Жаковым, обнаруживается некое общее терминологическое, языковое поле их рассуждений. Утверждая неоспоримость существования самой вещи, которая задает «предел» познанию, последнее Жаков рассматривал поистине как *функцию* вещи, т. е. действительности.

Познание изменяется, как переменная величина, и идет к некоторому пределу. <...> Характер всех наших знаний таков, что предел, к которому стремится наше познание, не есть только полное выражение и согласование сил и способностей познающего духа, но и приближение к свойствам существующей природы, не зависимой от сознания. Когда (если это случится) переменное знание приблизится на бесконечно малую величину к пределу – бытию, тогда противоречия исчезнут и знание будет полным,

– писал Жаков в своей ранней работе [Жаков, 1906, с. 6–7].

Постоянный выход за пределы данного нам в каждый момент отдельного содержания сам представляет собою основную функцию познания, совершающуюся и находящую свое удовлетворение внутри области предметов познания,

– отмечал Кассирер [1912, с. 389]. При этом:

⁴ «В этой книге, – пишет в предисловии переводчика С. Г. Сычева, – философ стремится решить проблему раздвоения образа мира в сознании человека и показать пути преодоления дуализма чувственного опыта и элементов природы в восприятии субъекта» [Уайтхед, 1999, с. 4].

⁵ О параллелях символических построений Кассирера и русских символистов (также в основном типологического плана) пишет польский исследователь Роман Мних [Mnich, 2016].

Опыт и его предмет понимаются как нечто вроде зависимых переменных, которые последовательно сводятся к ряду логических «аргументов», и эта зависимость функции от ее «аргументов» обозначается на языке идеализма как обусловленность «объекта» «мышлением» [Там же, с. 385].

Последнее высказывание – чисто кантианская посылка, против которой, казалось бы, столь решительно возражал Жаков. Но тут же Кассирер говорит о том, что относительность бытия имеет не физический характер, а чисто логический – он стремится дать новую модель познания, а уж из нее выстраивается и новое понятие действительности, или бытия.

Обсуждая понятия атома и материи и говоря о «субъективно-объективной» природе познания, Жаков признавал: «Итак, атомы не сущность вещей, а элементы познания, элементарные возможные ощущения. Материя – в своих законах абсолюта, в своих звуках и красках – явление сознания» [Жаков 1904, с. 78]. Об объективном мире мы «должны судить по его символам. О пределах судят по переменным величинам» [Там же, с. 27]. Отрицая априорность пространства и времени, заданную философией Канта, Жаков тем не менее утверждал: «Пространство, как и время, создается в нас каким-то активным началом, вместе с опытом, и является каждый раз приближением, приспособлением к реальному миру» [Жаков, 1906, с. 14], выступает своего рода «синтезом психических элементов». Поэтому познание и его единицы, или производные и медиаторы (понятие, мысль, представление, ощущение, наконец символ) суть функции (*переменные*) вещей. Неслучайно он начинал свой «эволюционный символизм» именно с гносеологии, да и всю концепцию лимитизма можно представить как обоснование познания и обсуждение условий и возможностей познания Абсолюта – Первотенциала на языке самого Жакова. Отсюда:

Пространство, время, материя, психическое, логическое (разум), эстетическое, моральное – разноценные проявления в восходящем порядке одного потенциала, который, выражаясь в мире, не исчерпывается им и никогда не устает. Смысл жизни человека в проявлении самых высших ценностей, которые заключены в его природе [Жаков, 1912, с. 121].

В философии Кассирера жизнь «преображается и находит завершение в форме “духа”» (вполне сопоставимого с Первотенциалом Жакова), так что задача философии культуры состоит в том, чтобы найти «в многообразии внешних выражений духа единство его сущности» [Кассирер, 2002, с. 47].

Безусловно, понятие функции уже в первой книге Кассирера выступает, как говорилось выше, центральным и принимает гораздо более сложную структуру и значение, чем у Жакова. Само познание представимо им «в форме функции», где «мы мыслим отдельные члены расположенными в порядке их взаимозависимости» [Кассирер, 1912, с. 344], а «предмет опыта мыслится как *непрерывное* (здесь и далее в цитатах курсив автора. – Е. С.) бытие, дальнейшее существование которого в каждой точке непрерывного ряда моментов времени постулируется как *необходимое*» [Там же, с. 356]. Иначе говоря, понятие предела, сущностно важное для Жакова, здесь необходимо присутствует – как *необходимость* самого присутствия предмета, вещи, действительности, хотя и мыслимого уже «через категорию отношения» [Там же, с. 396]. Как пишет К. Свасьян, «“Я мыслю”, сопровождающее у Канта всякий акт суждения, специфицируется Кассирером в положение: “Я мыслю символически”» [Свасьян, 2010, с. 65], хотя сам вопрос о существовании реальности помимо символа, по мнению Свасьяна, Кассирер решает отрицательно [Там же, с. 74].

Жаков называл свой подход «естественно-историческим» [Жаков, 1904, с. 18]. При построении своего учения он использовал и синтезировал языки и парадигмы разных сфер не только гуманитарного, но и естественнонаучного знания своего

времени, в этом он схож и с А. Белым, также немало сведущим в математике и физике, и с А. Уайтхедом, и отсюда же идет выявленная нами общность его путей с путями развития философии великого немецкого теоретика символа и мифа. В отличие от своих современников, Жаков не претендовал на роль идеолога нового искусства, хотя свой лимитизм несколько позже будет считать новым словом в философии и станет проповедовать его на всех учебных и публичных площадках, где только доводилось ему выступать. В «Принципе эволюции...» Жакова стройная схема познания и мирозидания еще лишь складывается, и в финале книги философские рассуждения уступают место настроению пантеистического родства с природой, с миром, которое определяет пафос художественных произведений Жакова 1900-х гг. и во многом роднит его с отечественным символизмом. Возможно, не без влияния знаменитого сонета Ш. Бодлера «Соответствия», популярного в среде русских символистов, он пишет:

Природа проявление «бессознательного, но премудрого» Духа. <...> Она зеркало могущества источника жизни... <...> Она – сад, данный нам для упражнения наших сил; Космос, в законах которого мы ищем следы Вечного Логоса. В небесах мы читаем историю своего солнца и своей земли, чувствуем величие природы и конечность своей жизни и жизни миров; в слоях земли читаем свое происхождение, имеющее связь с существованием наших братьев – животных и растений... [Жаков, 1906, с. 86].

А потому «землю целуй и неустанно, ненасытимо ее люби», заключает автор цитатой из Достоевского, называя Зосиму «русским Заратустрой».

Рассмотренные философские труды Жакова позволяют оценить его художественные произведения, где язык символов нередко использовался для чисто образного, интуитивного изображения самого процесса познания мира. Так, в первых опубликованных стихах Жакова «Песни Пама-Бур-Морта» от лица своего лирического героя (а по сути, здесь можно говорить об автогерое Жакова, см. [Лимеров, Созина, 2014, с. 356]) поэт-философ последовательно рассматривает так называемый субстанциональный состав мира, стремясь прийти к реальности, постижимой, по его же системе мысли, лишь в символах. Объективная реальность обнаруживает себя в разных обличьях, проходящих перед взором лирического героя: Природа – «мать и учительница моя»; Вещество – «чудо между тайнами» [Жаков, 1905б, с. 53]. Феноменальный мир текуч и неуловим – так Вещество «течет прозрачными реками / Меж высоких гор по дубровам / И вливается в вечношумящее море» [Там же]. Вещество сменяется Материей, исполненной разнообразия звуков и красок. Поэт словно дает иллюстрацию к своему же философскому тезису этого периода:

Вечное движение в бесконечном пространстве неуничтожаемых, неизменных атомов – сущность явлений мира и сил природы. <...> Пространство бесконечно, и вещество беспредельно в нем [Жаков, 1904, с. 67–68].

От Материи к атомам движется и сознание лирического героя «Песен»: «Ты – атомы и атомы, говорят они (люди. – Е. С.)» [Жаков, 1905б, с. 54], но это всего лишь «невинный лепет детей», ибо Природа и Материя – это «вечная тайна», неизменная в законах и «бесконечно-разнообразная» в своих воплощениях.

Стихотворение построено как диалог, который жаковский герой ведет с Природой/Материей/Веществом. Он словно снимает с мира один покров за другим, но тайна остается, и она не только вне субъекта – она в нем, ибо «Мое сердце – Твой алтарь», «Ведь сущность вечна моя, / Я, как Ты, меняю лишь одежды свои» [Там же]. Вновь сделаем отсылку к философским трудам автора. В книге 1912 г. он писал:

Потенциал непостижим в том самом высшем, что еще не реализовалось и никогда не будет реализовано, ибо потенциал неистощим, но он прагогичен и знает себя. <...> Потенциальная часть человека – его мистическая сторона, она божественна и знает себя в Боге, и Бога в себе [Жаков, 1912, с. 103].

С этой идеей связано пантеистическое настроение, ярко выраженное в стихотворении:

Моя сущность и Твоя – одно;
Я – удивление Твое перед Тобой,
Твои слова, Твое сердце...
Через Меня Ты взглянула на Себя [Жаков, 1905б, с. 54].

Если первая часть верлибров⁶ Жакова выдержана в духе лирической медитации, содержание которой составляет настроение пантеистического родства и слияния субъекта с мировой стихией, а через него и происходит интуитивное познание «природы вещей», то во второй части сознание лирического героя отчетливо отделяется от мира. Возникает и набирает силу напряженный лирический монолог⁷, в котором формально сохраняется диалогическая структура, но по существу он превращается в мольбу одинокого философствующего духа, разворачивающуюся в пространстве Вселенной, – мольбу о слове, венчающем его познание, о недостижимости Абсолюта, о своем внутреннем несоответствии мирозданию:

Осветите вы путь
Мне, идущему в мировом пространстве
От неведомого к непознанному.
Чудесные перлы на синем плаще Парабрамы,
Вы все отразились в моих глазах,
Вселенная во мне и я ищу слова,
Чтобы по имени назвать ее...
Но слова нет, и я руки простираю свои
К миллионам неведомых существ,
Дышащих жизнью и светом бесчисленных лучей,
Пересекающих храм мира.
<...>
О, если бы упал на меня один лист,
Один плод неземной,
Изменилась бы душа моя,
<...>
Не заковал бы ее мороз сомнений
Хрустальными цепями,
Ни жар палящий фанатизма,
Иссушающий разум и сердце [Жаков, 1905б, с. 56].

⁶ О поэтической форме «Песен» см. [Орлицкий, 1993].

⁷ Представление о мироздании, выраженное в первой части «Песен» Жакова, напоминает лирические медитации Жуковского, а подчас и Тютчева; во второй части лирический герой Жакова начинает взывать к мирозданию в духе лермонтовских lamentаций, не случайно наше наименование этой части «Песен» лирическим монологом – такова была жанровая природа достаточно многих ранних стихотворений Лермонтова. Жаков движется в русле романтической литературной традиции, обновленной поисками символистов рубежа веков.

Здесь уже нельзя привести параллельный ряд из философских книг Жакова, его автогерой становится поэтом, ищущим адекватного выражения в слове. Поэтическими символами пути постижения Вселенной и ее самой выступают образы реки познания – реки жизни, шатра / храма мира, мирового древа / плаща Парабрамы (Парабрама – высший Брама или Брахма; в индуизме есть образ дерева-Брахмы, оно же Вселенная; толкование этих образов у Жакова см.: [Лимеров, Созина, 2014; Созина, 2015]), оппозиция сердечного жара и морозящих душу сомнений. Жаков синтезирует образы и идеи разных мировых систем философии и религии, синтез оказывается продуктивным, и «на выходе» возникает оригинальное лирико-философское высказывание, связанное с «эволюционным символизмом» автора, но поэтическим языком выражающее жажду недостижимого идеала и того органичного родства с миром, которое представлялось столь легко достижимым в его теоретических конструкциях.

«Песни Пама-Бур-Морта» получили продолжение в книге Жакова «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом», в сюжете которой представлен путь автогероя Жакова к глубинам своей родовой и личной памяти: как незадолго до этого сам автор ездил в путешествие по родным местам с этнографическими, собирательскими целями, так герой книги отправляется на поиски сказаний о Паме Бур-Морте, сыне легендарного героя коми Пансотника, который выходил на поединок со Стефаном Пермским и, проиграв, удалился в сибирские леса⁸. Прозаический нарратив о путешествии героя прерывается стихами из «Тетради неизвестного поэта» и упомянутыми «Песнями и думами Пама Бур-Морта», составляющими своего рода параллельную версию к исканиям как автогероя, так и некоего «третьего» – «неизвестного поэта». Все три героя – странники, как неоднократно именовал себя и сам автор. Автогерой всей книги ищет свои родовые корни и в процессе поисков проходит своеобразную инициацию, открывает глубины прапамяти, а с ними и смысл жизни. Пам Бур-Морт изначально устремлен к поиску истины, но не своей личной, а истины мироздания, по-новому высвечивающей перед ним и его личный путь. В «Песнях и думах Пама Бур-Морта» следом за стихотворением («песней»), опубликованным отдельно в «Зеленом сборнике» (см. выше), идет следующее под названием «О дух мира!», где ведущим началом мира, адресатом стихотворения и объектом поисков лирического героя выступает мировой дух, он же – Отец, и он же – само лирическое «я»:

Нет мне жизни, нет мне и смерти,
Я вечен, я – Бог, я страдаю бесконечно!
Я – дух мира, и только я сам
Могу дать ответы на мои вопросы! [Жаков, 1905а, с. 153]

С точки зрения П. Ф. Лимерова, объединяющим началом всех религиозно-философских систем и той «конечной мудростью», к которой пришел Пам Бур-Морт в книге Жакова, является учение, напоминающее брахманизм («Новая религия Пама Бурморта основана на вере в несозданную Абсолютную реальность, являющуюся причиной и сущностью мира, Брахман, который Пам называет Парабрамой» [Лимеров, 2013, с. 255]) и положенное затем Жаковым в основу его философии лимитизма. Отметим, однако, что если в прозаически изложенном учении Пама Бур-Морта прокламируемая им истина дается как последняя инстанция, объединяющая и тем самым сводящая на нет все разнообразные идеи и поиски народов мира, и сам Бур-Морт умирает просветленным и умиротворенным, то его «песни и думы» рисуют бесконечный, неостановимый процесс имен-

⁸ Книга эта слишком важна и интересна, чтобы говорить о ней мимоходом; см. об этом статьи [Лимерова, 2005; Лимеров, 2013]. Мы коснемся лишь малой грани ее художественно-философского единства – стихов Пама Бур-Морта, да и тех лишь частично.

но поисков, одна стадия которых сменяется другой. Первая песня представляла процесс познания сущности мира, стремления лирического «я» к слиянию со Вселенной и одновременно к некоему высшему самовыражению; во второй состояние космического одиночества героя, сиречь мирового духа (поскольку с ним отождествлен лирический герой), усиливается. Дух страдает, и уже не истины, не космического всеединства (ибо он всевластен и свободен, подобно лермонтовскому Демону), а другого «я», к которому он диалогически обращен:

Все во мне и я все!
Но все же счастья нет во мне!
Если бы еще другой, дух, подобный мне,
Был на земле, счастье осенило бы нас?! [Жаков, 1905а, с. 154]

Поиски венчаются обретением лирическим героем Отца⁹:

И откликнулся Он! Мой отец!
<...>
Ты вечен, вечен и Я! Сын и отец!
И любовь с нами!
Блаженство, ни с чем несравнимое,
Испытываем мы, чувствуя присутствие
Друга духа,
Скрытого в недрах природы! [Жаков, 1905а, с. 154]

Третья песня «Его искал я долго...» подводит содержательный итог изображенному в «песнях и думах» событию и процессу, длящемуся века. Здесь посвоему реализуется утопия богочеловечества, не раз прописанная современниками Жакова: единство человечества и Божества. Мировой Дух раскрывает свои терзания и мучительные поиски перед смертными, которые также обречены искать и изнемогать от неудачи, ибо принцип подобия большого и малого, вечного и смертного организует Вселенную.

Смертный человек не узнает
Сущности Божественных вещей,
Он не имеет понятия о Нем Самом,
Хотя и ищет Его повсюду.
<...>
Он вечен.
Пространство мира – Его представление,
Вещи – образы Его,
Законы – логика Его.
<...>
Он – создание вашего ума,
Он же – создатель вашей души.
<...>
Наше познание – повторение в малом виде
Божественного процесса вечного творения миров.
Мы тоже созидаем пространство,
И время, и вещи, и законы [Там же, с. 158].

⁹ Отношения Отца и Сына, важные, как отмечал П. Ф. Лимеров, в контексте всего творчества Жакова, являются своеобразной заменой отношений с женской ипостасью мира и для романтической традиции достаточно неожиданны. Но вместе с Духом (мира, природы) они могут быть истолкованы как своего рода отражение христианской Троицы в космологически насыщенной картине Вселенной Жакова.

Достаточно вольно интерпретируя разбираемые стихотворения, в их смысловой структуре можно увидеть реализацию онто-теологической модели, актуальной для всего символизма. В первой песне Пама Бур-Морта осуществляется своего рода «восхождение» лирического «я» в пространство Вселенной=Божества (=Брахмы), во второй части, как уже говорилось, происходит его воссоединение с Отцом, в третьей – «нисхождение» к людям. Но в книге Жакова есть и четвертая песня Пама Бур-Морта, ее название говорящее – «В разных видах я жил на земле», здесь дана картина перевоплощений автогероя, неоднократно воспроизводимая Жаковым в более поздних произведениях. Таким образом, идеи и образы разных религий – индуизма, христианства, язычества – образуют уникальный, поистине символический симбиоз в стихотворениях Жакова, а философия и поэзия в его творчестве дополняют и комментируют друг друга, создавая нерасторжимое единство самобытной творческой личности.

Список литературы

- Белоконь С. И.* Жаков Каллистрат Фалалеевич // Русские писатели 1800–1890 гг.: Биограф. слов. Т. 2: Г–К. М.: БРЭ, 1992. С. 254–255.
- Блок А.* Зеленый сборник. Стихи и проза. Кн. изд-во «Щелканово». СПб., 1905 г. // Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 215–216.
- Дмитриева Н. А.* Русское неокантианство: «Марбург в России». Историко-философские очерки. М.: РОССПЭН, 2007. 512 с.
- Жаков К. Ф.* Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1904. 164 с.
- Жаков К. Ф.* На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом. СПб.: Тип. училища глухонемых, 1905а. 167 с.
- Жаков К. Ф.* Песни Пама-Бур-Морта // Зеленый сборник стихов и прозы. СПб.: Кн. изд-во «Щелканово», 1905б. С. 53–56.
- Жаков К. Ф.* Принцип эволюции в гносеологии, метафизики и морали. СПб.: Кн. изд-во «Парма»: Тип. т-ва «Дело», 1906. 88 с.
- Жаков К. Ф.* Основы эволюционной теории познания (лимитизм). СПб.: Тип. т-ва «Грамотность», 1912. 128 с.
- Жаков К. Ф.* Лимитизм. Единство наук, философий и религий. Рига: Limitiskas filosofijasbedribas Latvija izdevums, 1929. 226 с.
- Жаков К. Ф.* Утверждение истины: (Рукописи послереволюционных лет из фондов Национальной библиотеки Республики Коми) / Сост. И. Л. Жеребцов, О. В. Кырнышева. Сыктывкар: Ред. газеты «Коми му», 2012. 544 с.
- Жаков К. Ф.* Мифы зырянского севера / Сост., предисл. П. Ф. Лимеров. Сыктывкар: Ред. журн. «Арт», 2016. 304 с.
- Зыряне в истории русской словесности: Докл. науч. конф., Сыктывкар, 18–19 нояб. 1997 г. / Отв. ред. А. Н. Власов. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2000. 98 с.
- Иванов Вяч.* По звездам. Статьи и афоризмы. СПб.: Оры, 1909. 438 с.
- К. Ф. Жаков.* Проблемы творчества. Сыктывкар, 1993. 164 с. (Тр. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН; Вып. 55).
- Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866–1926): Аннотированный библиографический указ. / Сост. Т. А. Ябс. Сыктывкар: Юношеская б-ка Респ. Коми, 2016. 35 с.
- Кассирер Э.* Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции / Пер. Б. Столпнера, П. Юшкевича. СПб.: Шиповник. 1912. 454 с. (Репринт. изд.).

- Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 1. Язык / пер. С. А. Ромашко. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с.
- Ковальчук С. Н.* Философские поиски К. Ф. Жакова // *Consilium Medicum*. Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 2006. Т. 3, № 2. URL: http://old.consilium-medicum.com/media/bechter/06_02/42.shtml
- Коми-зырянская культура XX в. и финно-угорский мир: Сб. ст. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2002. 180 с.
- Лимеров П. Ф.* Репрезентация религиозно-философских взглядов К. Ф. Жакова в книге «На север, в поисках за Памом Бур-Мортом» // *Литература Урала: история и современность*: Сб. ст. Вып 7: В 2 ч. / Ин-т ист. и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. Вып 7, ч. 2. С. 251–260.
- Лимеров П. Ф., Созина Е. К.* Художественный мир К. Ф. Жакова // *Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности*: Коллективная моногр. / Науч. ред. Т. А. Снигирева, Е. К. Созина. Екатеринбург; Ижевск; Сыктывкар: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. С. 349–398.
- Лимерова В. А.* Традиции средневековых жанров в творчестве К. Ф. Жакова. Сыктывкар, 2005. 28 с. (Науч. докл. / Коми научный центр УрО РАН; Вып. 473).
- Магомедова Д. М.* Теории символа у русских символистов // *Миргород (Lausanne; Siedlce)*. 2014. № 2(4). С. 9–36.
- Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.* Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Языки русской культуры, 1997. 224 с.
- Орлицкий Ю. Б.* Стихи и проза К. Ф. Жакова в контексте художественных поисков русской культуры начала XX в. // К. Ф. Жаков. Проблемы творчества. Сыктывкар, 1993. (Тр. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН; Вып. 55). С. 28–35.
- Роцевская Л. П.* Коми ученый К. Ф. Жаков. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 133 с.
- Свасьян К.* Проблема символа в современной философии. Критика и анализ. М.: Академический проект: Альма Матер, 2010. 224 с.
- Созина Е. К.* «Вечные» образы в творческой интерпретации «зырянского Фауста» Каллистрата Жакова // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма / Отв. ред. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2015. С. 220–237.
- Тайё сьылём – коми олём = В этой песне коми жизнь: Сб. тр. об основоположниках коми литературы. Сыктывкар: Кола, 2008. 376 с.
- Уйтхед А. Н.* Символизм, его смысл и воздействие. Томск: Водолей, 1999. 64 с.
- Федорович И. В.* Эволюционная философия К. Ф. Жакова // *Арт/Лад*. 2006. № 2. С. 114–126.
- Mnich R.* Эрнст Кассирер и русские теории символа // *Миргород (Lausanne; Siedlce)*. 2016. № 1(7). С. 49–62.

E. K. Sozina

*Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russian Federation, elenasozina1@rambler.ru
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russian Federation*

Symbol and symbolism in the works of K. F. Zhakov

The paper deals with the idea of a symbol which was formed in the works of original Komi writer and philosopher K. F. Zhakov who was the mouthpiece of the culture of Russian Silver

Age. The following works of Zhakov are analyzed: «The theory of variable and limit in the epistemology and history of knowledge» (1904), «The principle of evolution in epistemology, metaphysics and morality» (1906), «The basics of the evolutionary theory of knowledge (limitizm)» (1912). At first, Zhakov called his doctrine an evolutionary symbolism and presented a symbol as a certain general scientific and general philosophic category in which is conveyed a specific character of human cognition and thinking. Afterwards, he names his doctrine as «limitizm», but the basic ideas were laid in his works of 1900's. The metaphysics of Zhakov is based on the gnoseological problematics which was central for a number of Russian philosophers and poets-symbolists of that time. The actualization of the problems of cognition and language of science was connected with the movement of neo-Kantianism, in the course of which Zhakov worked although he did not accept Kant's philosophy. The paper shows the closeness of ideas about the symbol and cognition between Zhakov and E. Cassirer – the German Neo-Kantian philosopher, creator of the new «philosophy of symbolic forms». These ideas demonstrate the tendency to the universal system of knowledge and the universe based on understanding the special nature of human thinking, the fixation of continuous process of cognition and its symbolism in relation to the reality, handling with the mathematical concepts «function», «variable», «limit», that is attempting to bring a language of exact sciences to philosophy. Zhakov's gnoseological or evolutionary symbolism becomes a mythological symbolism in his works. All these moments determine the paths of artistic work of Zhakov and make him close to Russian symbolism. The interaction of philosophy and artistic creativity is examined in the poems «The songs of Pam-Bur-Mort» published in «Green collection of poems and prose» of symbolists (1905). These poems were also presented in the book «To the North in search for Pam Bur-Mort» (1905) in more enhanced form. Zhakov synthesizes the images and ideas of different world religious and philosophical systems such as Hinduism, Christianity and paganism, resulting in original lyrical-philosophical opinion related to «evolutional symbolism» of the author but much more vivid and passionate.

Keywords: «Evolutional symbolism», symbol, limitizm, K. Zhakov, E. Cassirer, gnoseology, philosophical lyric.

DOI 10.17223/18137083/64/8

References

Belokon' S. I. Zhakov Kallistrat Falaleyevich. In: *Russkie pisateli 1800–1890 gg. Biograficheskij slovar'. T. 2: Г–К* [Russian writers of the 1800–1890s. Biographical dictionary. Vol. 2: Г–К]. Moscow, Great Russian Encyclopedia, 1992, pp. 254–255.

Blok A. Zelenyy sbornik. Stikhi i proza. Kn. izd. "Shchelkanovo". St. Petersburg, 1905 g. [The green collection. A poetry and a prose. "Shchelkanovo" publ. St. Petersburg. 1905]. *Voprosy zhizni*. 1905, no. 7, pp. 215–216.

Cassirer E. *Poznaniye i deystvitel'nost'. Ponyatiye o substantsii i ponyatiye o funktsii* [The cognition and the reality. The concept of substance and the concept of function]. Transl. by B. Stolpner, P. Yushkevich. St. Petersburg, Shipovnik, 1912, 454 p.

Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 1. Yazyk* [The philosophy of symbolic forms. Vol. 1. Language]. Transl. by S. A. Romashko. Moscow, St. Petersburg. Universitetskaya kniga, 2002, 272 p.

Dmitriyeva N. A. *Russkoye neokantianstvo: "Marburg v Rossii". Istoriko-filosofskiye ocherki* [Russian neo-Kantianism: "Marburg in Russia". The historical and philosophical essays]. Moscow, ROSSPEN, 2007, 512 p.

Fedorovich I. V. Evolyutsionnaya filosofiya K. F. Zhakova [The evolutionary philosophy of K. F. Zhakov]. *Art /Lad*. 2006, no. 2, pp. 114–126.

Ivanov Vyach. *Po zvezdam. Stat'i i aforizmy* [By the stars. The articles and aphorisms]. St. Petersburg, Ory, 1909, 438 p.

K. F. Zhakov. *Problemy tvorchestva* [K. F. Zhakov. The problems of creativity]. Syktyvkar, 1993, 164 p. (Works of IYALI KNTS UrO RAN; Iss. 55).

Kallistrat Falaleyevich Zhakov (1866–1926): *Annotirovannyy biobibliograficheskiy ukazatel* [Kallistrat Falaleyevich Zhakov (1866–1926). The annotated bibliography]. T. A. Yabs (Comp.). Syktyvkar, Yunosheskaya biblioteka Resp. Komi, 2016, 35 p.

Komi-zyryanskaya kul'tura KHKH v. i finno-ugorskiy mir: Sb. st. [Komi Zyryan culture of 20th century and the Finno-Ugric world: coll. of art.]. Syktyvkar, Syktyvkar Univ. publ., 2002, 180 p.

Koval'chuk S. N. Filosofskiye poiski K. F. Zhakova [The philosophical searches of K. F. Zhakov]. In: *Consilium Medicum. Obozreniye psikiatrii i meditsinskoj psikhologii im. V. M. Bekhtereva* [Consilium Medicum. Review of psychiatry and medical psychology named after V. M. Bekhterev]. 2006, vol. 3, no 2. URL: http://old.consilium-medicum.com/media/bechter/06_02/42.shtml

Limerov P. F. Rerezentatsiya religiozno-filosofskikh vzglyadov K. F. Zhakova v knige "Na sever, v poiskakh za Pamom Bur-Mortom" [The representation of religious and philosophical views of K. F. Zhakov in the book "To the North in search for Pam Bur-Mort"]. In: *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sb. st. Vyp 7, v 2 ch.* [Literature of the Urals: history and modernity. A coll. art. Iss. 7: in 2 pts]. Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS. Ekaterinburg, Ural Univ. publ. 2013, iss. 7, pt 2, pp. 251–260.

Limerov P. F., Sozina E. K. Khudozhestvennyy mir K. F. Zhakova [The art world of K. F. Zhakov]. In: *Permskiye literatury v kontekste finno-ugorskoj kul'tury i russkoj slovesnosti: Kollektivnaya monogr.* [Perm literature in the context of Finno-Ugric culture and Russian literature. Coll. monogr.]. T. A. Snigireva, E. K. Sozina (Eds). Ekaterinburg, Izhevsk, Syktyvkar, UMC UPI, 2014, pp. 349–398.

Limerova V. A. *Traditsii srednevekovykh zhanrov v tvorchestve K. F. Zhakova* [The traditions of medieval genres in the work of K. F. Zhakov]. Syktyvkar, 2005, 28 p. (Nauch. dokl. Komi nauchnyy tsentr UrO RAN; Vyp. 473 [Research reports. Komi research center, Urals branch of RAS, iss. 473]).

Magomedova D. M. Teorii simvola u russkikh simvolistov [The theories of the symbol of the Russian symbolists]. *Mirgorod* (Lausanne; Siedlce). 2014, no. 2(4), pp. 9–36.

Mamardashvili M. K., Pyatigorskiy A. M. *Simvol i soznaniye: Metafizicheskiye rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke* [The symbol and the consciousness: metaphysical arguments about consciousness, symbolism and language]. Moscow, LRC publ. house, 1997, 224 p.

Mnich Roman. Ernst Cassirer i russkie teorii simvola [Ernst Cassirer and the Russian theory of the symbol]. *Mirgorod* (Lausanne; Siedlce). 2016, no. 1(7), pp. 49–62.

Orlitskiy Yu. B. Stikhi i proza K. F. Zhakova v kontekste khudozhestvennykh poiskov russkoj kul'tury nachala XX v. [The poetry and the prose of K. F. Zhakov in the context of art searches of Russian culture in the early 20th century]. In: *K. F. Zhakov. Problemy tvorchestva.* [K. F. Zhakov. The problems of creativity]. Syktyvkar, 1993. (Works of IYALI KNTS UrO RAN; Vyp. 55), pp. 28–35.

Roshchevskaya L. P. *Komi uchenyy K. F. Zhakov* [Komi scientist K. F. Zhakov]. Syktyvkar, Komi kn. izd., 2003, 133 p.

Svas'yan K. *Problema simvola v sovremennoj filosofii. Kritika i analiz* [The problem of symbol in contemporary philosophy. Criticism and analysis]. Moscow, Akademicheskij proekt, Al'ma Mater, 2010, 224 p.

Sozina E. K. "Vechnyye" obrazy v tvorcheskoj interpretatsii "zyryanskogo Fausta" Kallistrata Zhakova [The eternal images in the creative interpretation of "Zyryans Faust" Kallistrat Zhakov]. In: *"Vechnyye" syuzhety i obrazy v literature i iskusstve russkogo modernizma* [The eternal themes and images in literature and art of Russian modernism]: A. L. Toporkov (Ed.). Moscow, Indrik, 2015, pp. 220–237.

Tajö sьылӧм – коми олӧм = V ehtoy pesne komi zhizn': Sb. tr. ob osnovopolozhnikah komi literatury. [In this song is Komi life: a collection of writings about the founders of Komi literature]. Syktyvkar, Kola, 2008, 376 p.

Whitehead A. N. *Simvolizm, ego smysl i vozdeystviye* [Symbolism, its meaning and effect]. Tomsk, Vodoley, 1999, 64 p.

Zhakov K. F. *Limitizm. Edinstvo nauk, filosofiy i religiy* [Limitizm. The unity of the sciences, philosophy and religion]. Riga, Limitiskas filosoficyasbedribas Latvija izdevums, 1929, 226 p.

Zhakov K. F. *Mify zyryanskogo severa* [The myths of Zyryansky North]. P. F. Limerov (Ed., Comp.). Syktyvkar, Red. zhurn. "Art", 2016, 304 p.

Zhakov K. F. *Na Sever, v poiskakh za Pamom Bur-Mortom* [To the North in search for Pam Bur-Mort]. St. Petersburg, tip. Uchaschichs'a gluhonemyh, 1905a, 167 p.

Zhakov K. F. *Osnovy evolyutsionnoy teorii poznaniya (limitizm)* [The basics of evolutionary theory of knowledge (limitizm)]. St. Petersburg, tip. tov. "Gramotnost'", 1912, 128 p.

Zhakov K. F. *Pesni Pama-Bur-Morta* [The songs of Pam-Bur-Mort]. In *Zelenyy sbornik stikhov i prozy* [The green collection. A poetry and a prose]. St. Petersburg, Kn. izd. "Shchelkanovo", 1905, pp. 53–56.

Zhakov K. F. *Printsip evolyutsii v gnoseologii, metafiziki i morali* [The principle of evolution in epistemology, metaphysics and morality]. St. Petersburg, Kn. izd. "Parma", tip. tov. "Delo", 1906, 88 p.

Zhakov K. F. *Teoriya peremennogo i predela v gnoseologii i v istorii poznaniya* [The theory of variable and limit in the epistemology and history of knowledge]. St. Petersburg, izd. M. V. Pirozhkova, 1904, 164 p.

Zhakov K. F. *Utverzheniye istiny: (Rukopisi poslerevolnyonnykh let iz fondov Natsional'noy biblioteki Respubliki Komi)* [The affirmation of truth: the manuscripts of post-revolutionary years from the collections of the National Library of Komi Republic]. I. L. Zherebcov, O. V. Kyrnysheva (Eds). Syktyvkar, Red. gazety "Komi mu", 2012, 544 p.

Zyryane v istorii russkoy slovesnosti: Dokl. nauch. konf., Syktyvkar, 18–19 noyab. 1997 g. [Zyryans in the history of Russian literature: the reports of the conference, Syktyvkar, November 18–19, 1997]. A. N. Vlasov (Ed.). Syktyvkar, SyktsU, 2000, 98 p.